

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА / RUSSIAN LITERATURE

О.Г. Талалаева
O.G. Talalaeva

МОТИВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ И ПАМЯТИ В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. БУНИНА, Е.Ю. КУЗЬМИНОЙ-КАРАВАЕВОЙ И М.Д. ИВАННИКОВА

MOTIVES OF ORTHODOX FAITH AND MEMORY IN THE WORKS OF I.A. BUNIN, E.Yu. KUZMINA-KARAEVA AND M.D. IVANNIKOV

В статье рассматриваются образы православной России в творчестве писателей первой волны эмиграции. Анализируются ключевые мотивы веры и памяти, формирующие осмысление утраченной родины в условиях изгнания. Особое внимание уделяется творчеству И.А. Бунина, Е.Ю. Кузьминой-Караваевой (матери Марии) и М.Д. Иванникова, чьи произведения демонстрируют различные, но взаимодополняющие друг друга подходы к реконструкции дореволюционной России как в территориальном, так и в духовном измерении. Бунин использует веру и память как инструменты художественного воссоздания исчезнувшего мира, формируя поэтизированный образ родной земли. Иванников исследует кризис религиозного сознания, где сакральное теряет силу, но память о родине сохраняется в деталях быта. Е.Ю. Кузьмина-Караева (мать Мария) воплощает православие в деятельном служении, соединяя литературное творчество с практической помощью страждущим. Несмотря на различия в интерпретации православной традиции всех трех авторов объединяет глубокая рефлексия о судьбе России, выраженная через мотивы изгнания, утраты и духовного поиска. В статье подчеркивается недостаточная изученность наследия Е.Ю. Кузьминой-Караваевой (матери Марии) и М.Д. Иванникова, чье творчество оказалось на периферии исследований, и доказывает, что именно их произведения наиболее остро отражают трагедию утраты родины и процесс обретения духовных ориентиров в новых исторических условиях. В результате формируется уникальный целостный образ «России вне России» – духовного пространства, сохраняемого вопреки историческим катастрофам. Это пространство, созданное в эмигрантской среде, становится важной частью культурной памяти о православной России.

Ключевые слова: *первая волна эмиграции, И.А. Бунин, литература русского зарубежья, вера, память, национальная идентичность.*

The article examines the images of Orthodox Russia in the works of writers of the first wave of emigration. The key motifs of faith and memory that shape the understanding of the lost homeland in the conditions of exile are analyzed.

Particular attention is paid to the works of I.A. Bunin, E.Yu. Kuzmina-Karavaeva (Mother Maria) and M.D. Ivannikov, whose works demonstrate different, but complementary approaches to the reconstruction of pre-revolutionary Russia in both the territorial and spiritual dimensions. Bunin uses faith and memory as tools for the artistic recreation of a vanished world, forming a poeticized image of his native land. Ivannikov explores the crisis of religious consciousness, where the sacred loses its power, but the memory of the homeland is preserved in the details of everyday life. E.Yu. Kuzmina-Karavaeva (Mother Maria) embodies Orthodoxy in active service, combining literary creativity with practical help to those in need. Despite the differences in the interpretation of the Orthodox tradition, all three authors are united by a deep reflection on the fate of Russia, expressed through the motifs of exile, loss and spiritual search. The article emphasizes the insufficient study of the heritage of E.Yu. Kuzmina-Karavaeva (Maria's mother) and M.D. Ivannikov, whose work ended up on the periphery of research, and proves that it is their works that most acutely reflect the tragedy of the loss of the homeland and the process of finding spiritual guidelines in new historical conditions. As a result, a unique holistic image of "Russia outside Russia" is formed - a spiritual space preserved despite historical catastrophes. This space, created in the émigré environment, becomes an important part of the cultural memory of Orthodox Russia.

Key words: first wave of emigration, I.A. Bunin, literature of the Russian diaspora, faith, memory, national identity.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-66-3-92-99

Расслоение русской культуры в первой половине XX века представляет собой уникальный исторический феномен, вызванный массовым исходом из России творческой интеллигенции вследствие революции и Гражданской войны. В ходе этого процесса органичным явилось зарождение и развитие литературы русского зарубежья. Катастрофические события тех лет положили начало длительному периоду пребывания эмигрантов вдали от отчего дома, растянувшегося на долгие десятилетия, – для многих временное изгнание обернулось пожизненным. Трагическая трансформация – от иллюзии скорого возвращения к осознанию необратимой утраты – нашла отражение в мемуарной прозе русской эмиграции, где особое место заняли вера и память о покинутой родине. Подобно многим современникам Ю. Терапиано выразил эту мысль в своих воспоминаниях: «В довоенные годы мы жили как бы вне времени и пространства. Настоящее – пребывание за границей – казалось временным, недолгим (каждый год – последний год), а там, все ближе и ближе, – встреча с Россией» [14, 148]. Такое двойственное восприятие действительности – сочетание статики и устремленности в будущее – оказало значительное влияние на формирование культурного наследия русского зарубежья.

Три волны русской литературы в изгнании образовали колоссальный пласт художественного творчества, созданный на чужбине и кардинально отличающийся от литературных традиций, сложившихся в советскую эпоху. Особая эстетика параллельного мира искусства, возникшего за рубежом, выдвинула собственные правила и законы, где вера и память о дореволюционной России стали ключевыми творческими категориями.

И.А. Бунин выступил 16 февраля 1924 года в Париже на благотворительном вечере с речью «Миссия русской эмиграции». В своем обращении он осмысливал судьбу соотечественников, вынужденных покинуть родину после потрясений революции и крушения старой России. Бунин подчеркивал, что для изгнанников в чужой стране не было крепче опоры, чем православная вера и культурная память: «А кроме того, есть еще нечто, что гораздо больше даже и России и особенно ее материальных интересов. Это – мой Бог и моя душа» [4, 155]. Это высказывание можно справедливо назвать духовным

манифестом первой волны эмиграции, где религиозное и культурное начало слились в единое целое, создав особый феномен русского зарубежья.

В произведениях писателей-эмигрантов ключевыми становятся темы тоски по утраченному дому, мотив изгнанничества, идеализация прежнего уклада жизни, осмысление национальной катастрофы, поиска духовных ориентиров в чуждом мире. Личный опыт авторов, их судьбы отразили общую трагедию целого поколения вынужденных переселенцев. Однако в условиях «великого русского рассеяния» именно православие стало способом сохранения культурной идентичности. Вера, укреплявшая в скитальцах чувство близости с родной культурой, помогла сберечь сакральное единство с отечеством. В эмиграции православные традиции поддерживали надежду лишенных крова людей на духовное возрождение России и помогали укреплять связи между соотечественниками вне временных и пространственных границ.

Так вера стала тем духовным якорем, который помог сохранить нить с прежней Россией и позволил выжить в годы скитаний многим писателям-эмигрантам. Именно чувство оторванности от почвы дало возможность им глубже осознать ценность прошлого, православных традиций и кровного единства с предками. Однако в современном литературоведении остается недостаточно изученным вклад тех представителей эмиграции, для которых литературное творчество, не будучи основным родом деятельности, оставалось на периферии исследовательского внимания – во многом потому, что их общественное признание было связано с другими сферами, а не с литературной жизнью диаспоры.

Особый интерес в этом контексте представляет творчество матери Марии (Е.Ю. Кузьминой-Караваевой), которая приняла постриг в период эмиграции в 1932 году. Ее путь органично сочетает монашеское служение и писательский дар, что позволило не только сохранить личностную целостность в условиях крушения привычного мира, но и достичь подлинного духовного преображения на чужбине. В последнее пятилетие появился ряд работ, обращающих внимание на христианско-православную составляющую ее творчества [9; 10; 11].

Значительную часть наследия матери Марии составляет публицистика, отражающая ее религиозные и философские размышления. В эмигрантской среде тема России приобретает доминирующий характер, пронизывая весь пласт публицистических произведений Кузьминой-Караваевой этого периода и придавая им концептуальное единство.

Чужая культура и необходимость обустроиваться в новом мире усиливают тоску по утраченной родине. Мать Мария отмечала: «Мы все погибали вместе с Россией» [11, 271], передавая тем самым чувство общей судьбы, объединившей русскую эмиграцию. В статье «Двенадцатый час» она осмысляла страдания как путь к грядущему воскресению, где только вера способна уберечь от отчаяния. Мотив «двенадцатого часа» стал символом перелома, заключавшим в себе переход от мрака прошлого к свету надежды будущего, где молитва являлась актом духовного противостояния хаосу. Память эмигрантов же сохранила не искаженные революцией и Гражданской войной воспоминания, а ее сакральную суть: «Сердце России бьется в каждом из нас» [11, 271]. Именно поэтому даже в изгнании мать Мария продолжала молиться о скором возрождении родины, видя в этом высший смысл испытаний.

В 1930 году Кузьмина-Караваева опубликовала статью «По обе стороны», в которой с документальной точностью описала невыносимые условия существования людей в России. Пристального внимания заслуживает сопоставительный анализ положения и тех, кто остался в стране, и тех, кто оказался на чужбине. Автор приходит к выводу о парадоксальной взаимосвязи их исторических судеб, что позволяет говорить о едином пространстве национальной катастрофы. Кузьмина-Караваева прослеживает многовековую историю страданий русского народа, выделяя характерные черты: насилие, голод, отчаяние, вынужденную покорность. Представленный в статье апокалипсический образ страны –

«Россия – растерзанная плоть, и кровь смешалась с пылью» [11, 448] – служит ключом к осмыслению масштабов происходивших социальных изменений. Глубокое сострадание, с которым Кузьмина-Караваева писала о проблемах эмигрантов, активное стремление помочь попавшим в беду, создали предпосылки к ее будущему монашескому служению. Таким образом, вера оказалась не только источником личного утешения для матери Марии, но и духовной опорой для страждущих, которой она щедро делилась. Ее подвижнический путь, начавшийся в эмиграции, нашел наиболее полное воплощение в создании и деятельности благотворительного и культурно-просветительского общества «Православное дело».

В годы нацистской оккупации Парижа (1940–1944) русская эмиграция столкнулась не только с угрозой физического уничтожения, но и с риском утраты культурного наследия. Именно «Православное дело» превратилось в центр спасения, как людей, так и культурных ценностей, включая уникальные архивы и документы. Как свидетельствовал Ю. Терапиано: «Во время оккупации – все это знают, мать Мария с необычайной стойкостью и мужеством помогала всем обездоленным и гонимым. Практически, это означало то, что помещение «Православного Дела» на 77, rue Ljurmelle, стало своего рода "штабом" гонимых» [14, 144].

Когда после разграбления Тургеневской библиотеки стало известно, что в подвале остался архив И.А. Бунина – духовное достояние русской культуры, – именно в общежитие на улице Лурмель к матери Марии, Б.К. Зайцев и Н.Н. Берберова тайно перевезли девять чемоданов с рукописями [7, 20]. Этот случай символичен тем, что хотя между матерью Марией и Буниным не существовало личной привязанности, они оказались связаны стремлением сохранить ту «другую Россию», которая существовала не в политической плоскости, а в пространстве духовной культуры. Если для Бунина спасенный архив олицетворял живую связь с утраченным прошлым, то для матери Марии он стал важнейшей частью общего дела – сохранения непреходящих ценностей русской культуры через деятельное христианское служение.

Примечательно, что само понимание этих ценностей у обоих деятелей русской эмиграции, несмотря на различие их духовных путей, коренилось в православной традиции. И хотя Бунин не принадлежал к числу воцерковленных писателей, в его творчестве без сомнения чувствуется глубочайшее уважение к православной культуре как основе русской идентичности. В эмигрантский период писатель неоднократно обращался к Богу, в его произведениях четко прослеживаются православные образы. Для Бунина вера – это не только религиозное чувство: она выполняет функцию национальной памяти, выступая связующим звеном с прежней жизнью. Вдали от родины писатель вспоминал детство и юность, свои впечатления от посещения святых мест, образы дореволюционной России, где вера была естественной частью бытия. Эти проблемы до сих пор становятся предметом исследования современных литературоведов [например: 10; 12; 13].

Бунин остро переживал крушение старого мира. В дневниковых заметках 1921 года он с тоской признавался: «Сон, дикий сон! Давно ли все это было – сила, богатство, полнота жизни – и все это было наше, наш дом, Россия! <...> И всему конец! И все это было ведь и моя жизнь!» [5, 37]. Находясь в изгнании, писатель с мучительной ясностью воспроизводил в памяти образ православной Руси, превратившейся для него в недостижимый идеал. Эти переживания утраты сформировали особый творческий метод, где память стала инструментом художественной реконструкции. Так, в рассказах цикла «Темные аллеи» Бунин с документальной точностью воссоздал мир патриархальной России: ее соборы и монастыри, дворянские усадьбы с их незыблемым укладом. Показательна в этом отношении сцена из рассказа «Баллада» (1938), где передано трепетное ожидание светлого праздника: «В доме водворялась тогда полная тишина, благоговейный и как бы ждущий чего-то покой, как нельзя более подобающий ночному священному виду икон, озаренных скорбно и умирительно» [3, 17]. Это описание раскрывает не просто бытовую деталь, а сакральную организацию православного жилища, где иконостас

выполняет функцию духовного центра. Таким образом, внимание Бунина к деталям, элементам православного быта говорит о том, что религиозная традиция является важнейшей частью его художественного мира, однако не составляет всей основы творчества. Именно эта двойственность – глубокая укорененность в православной культуре при широте творческих исканий – справедливо позволяет назвать писателя певцом утраченной России.

Тоска по родине обрела особую духовную глубину, пронизанную православными мотивами, именно в изгнании. В дневниковых записях писателя можно найти библейские цитаты и размышления о Боге. В поисках духовной опоры он обращался к Священному Писанию: «Читаю Библию. Очень поражен царем Давидом. <...> "Буду петь Господу, покуда жив, буду бряцать Богу моему, поколе есмь"» [5, 280]. Эти строки стали для Бунина своеобразным духовным ориентиром – в эмиграции он, подобно Давиду, «пел» о потерянной России, пытаясь через слово удержать исчезнувший мир. Не случайно, отстаивая свое видение мира в полемике о природе русской литературы с Ф.А. Степуном, писатель подчеркивал: «Это хорошо, ибо это подлинная Россия, а не литературная» [5, 196]. Это утверждение раскрывает суть его творческого подхода: противопоставление «бытийных» образов поэтике Блока и Белого, которую он считал излишне усложненной. Критически воспринимая их произведения, Бунин сознательно выстраивал свою прозу на принципах документальной достоверности. Поэтому для писателя-эмигранта, стремившегося сохранить утраченный мир в слове, художественная правда заключалась именно в предметной конкретности образа – той подлинной точности, которая позволяла воссоздавать живую реальность во всей ее осязаемой полноте.

Эта мировоззренческая позиция роднит Бунина с другими писателями первой волны эмиграции. В своих произведениях он создал подробную летопись русской жизни, тщательно фиксируя, казалось бы, даже незначительные детали, чтобы ничего не кануло в забвение. Г.В. Адамович, анализируя роман Бунина «Жизнь Арсеньева», отмечал: «Это долгий, протяжный "плач о погибшей России", великолепная "отходная" всему тому, что Бунин в России любил: укладу, строю, устоявшемуся спокойствию и картинному благолепию ее, – и что в прежнем облике никогда не удастся никакими силами воскресить» [2, 259]. Высказывание Г.В. Адамовича не только выявляет характерные особенности бунинского письма, но и обозначает важную общую тенденцию среди писателей первой волны эмиграции – настойчивое стремление запечатлеть исчезнувший мир во всей его целостности.

Для Бунина вера и память действительно стали инструментами реконструкции утраченной России. Эту духовную традицию продолжил в своих произведениях малоизвестный писатель-эмигрант М.Д. Иванников, через личную боль и образную искренность передававший глубину переживаний героев. До настоящего времени сохранилось всего двенадцать его произведений. Повести и рассказы зрелого периода творчества писателя были опубликованы отдельной книгой лишь в 2012 году. Основным исследователем наследия Иванникова является А.А. Данилевский, чьи изыскания сделали доступными для современного читателя не только забытые произведения писателя, но и сопутствующие материалы: критические отзывы и его переписку.

Признание Иванникова литераторами-современниками позволяет говорить о несомненной художественной ценности его творчества. Рассказ «Сашка» (1930) обнаруживает явные параллели с бунинской прозой. По характеристике Г.В. Адамовича: «В рассказе очень заметно влияние Бунина. Природа, сашкины двоящиеся чувства, "мутно-печальный" женственный образ Глаши, – все взято не то из "Жизни Арсеньева", не то из "Деревни", и все подернуто идущей от Бунина словесной прелестью» [1, 273]. Знаменательно, что сам Иванников в письмах к Бунину подчеркивал свое глубокое почтение и признавал его литературный авторитет, открыто называя себя его учеником [8, 329]. Несмотря на то, что Иванников эмигрировал из России в шестнадцатилетнем возрасте, не успев к этому времени сформироваться как

профессиональный литератор, тема России и русской ментальности заняла в его творчестве центральное место.

В рассказе «Сашка», хронологические рамки которого охватывают приблизительно лето-осень 1918 года, прослеживается тесная взаимосвязь между изображением творящегося в стране хаоса, духовными исканиями и темой утраченных идеалов. Ключевой идеей произведения становится крах прежнего миропорядка и тревожная неопределенность будущего.

В отличие от Бунина, с его ностальгическим изображением утраченной России, Иванников показал родину в момент исторического перелома сквозь призму отчаяния. Обращение к вере в этих условиях предстает не как путь к спасению, а как бегство от невыносимой реальности. Социальный распад проявляется в психологическом состоянии героев: перед лицом грядущих потрясений они демонстрируют не сопротивление, а покорность судьбе, при этом не пытаются найти утешения в вере.

Православные ритуалы лишаются сакрального смысла, становясь лишь формальностью. Символично, что повествование завершается смертью Матвея Семеновича – вместе с ним хоронят и старый уклад жизни. Автор подчеркивает механистичность религиозного обряда: Иона Сионский с отцом-священником молятся вразброд, на лицах участников похорон словно застывают маски «каменные чуть туповатые лица, как у людей, делающих очень важное и понятное только им дело» [8, 63]. Кульминацией этого процесса становится сцена, где Сашка на заранее заготовленный вопрос Глаши о Боге, бросает ей уничижительную фразу: «А катись ты к своему Господу Богу...» [8, 64]. Эта реплика является не только вспышкой отчаяния потерянного человека, но и красноречивым свидетельством кризиса религиозного сознания в переломную эпоху, когда православная вера перестала быть опорой в мире, охваченном революционным хаосом.

Продолжая бунинскую традицию изображения России в момент исторического катаклизма, автор сквозь призму частных судеб показывает, как рушатся не только общественные устои, но и обрываются глубинные духовные связи. В рассказе «Сашка» с художественной достоверностью запечатлен момент утраты нравственных ориентиров, когда герои оказываются на грани между уходящей старой Россией и пугающей своей неизвестностью новой реальностью. Следует сказать, что Иванников обращался к этой теме и в других своих произведениях. После его смерти был опубликован отрывок из повести «Счастье» (1968), где автор с психологической точностью передает двойственность переживаний русских эмигрантов: «Так, одною рукою утирая ностальгические слезы, другою мы осеняли себя (и про себя) крестным знаменiem: слава Богу, спаслись, уцелели, ушли...» [8, 303]. Этот фрагмент повести раскрывает сложность мироощущения эмигрантов: с одной стороны – ностальгическая тоска по родине, а с другой – облегчение от спасения от нее и пережитого ужаса. Однако, даже оказавшись в изгнании, люди продолжали жить прошлым.

Иванников ярко передает эту противоречивость через детали быта. Например, он описывает лавчонки: в одной из них бывшая «грязнущая княгиня» торгует «иконками, крестиками, поминаниями и прочим благочестивым скарбом» [8, 304]. Религиозные символы, превратившись в товар, все еще остаются связью с утраченной родиной.

Не менее выразительно автор изображает и «русский дух» через кулинарные традиции. Эмигранты с «благоговейной жадностью» вкушают не просто еду, а частицу дома: «рыжий благоухающий борщ и неизменную пару котлет...» [8, 307]. Эта деталь перекликается с рассказом Бунина «В Париже» (1940), где упоминается скромная столовая для русских изгнанников, подающая привычные блюда.

Память, заключенная в мелочах, становится у Иванникова главным способом сохранения связи с Россией. Это особенно ярко проявляется в образах повседневности. Как точно подметили П. Вайль и А. Генис в книге «Русская кухня в изгнании»: «Ниточки, связывающие человека с родиной, могут быть самыми разными – великая культура,

могучий народ, славная история. Однако самая крепкая ниточка тянется от родины к душе, то есть к желудку» [6, 21]. Это телесная память о родине оборачивается для героев Иванникова мучительной двойственностью.

Таким образом, в повести «Счастье» Иванников передает болезненное раздвоение эмигрантского сознания между тоской по родине и освобождением от ее кошмаров. В изгнании и сам автор, и его герои не могут и не хотят оторваться от прошлого, становясь его пленниками: оно продолжает жить в них самих, в убогих лавчонках, в родных вкусах и запахах, которые становятся последней нитью, связывающей с Россией. Этот мотив – Россия, сохраненная в бытовых деталях, превращает творчество Иванникова в своеобразную «энциклопедию русской жизни», где каждая мелочь становится символом потерянного мира.

Творчество И.А. Бунина, Е.Ю. Кузьминой-Караваевой (матери Марии) и М.Д. Иванникова представляет собой три различных, но взаимодополняющих подхода к осмыслению образа православной России в эпоху исторического перелома и вынужденной эмиграции, формируя целостное восприятие былой родины – как в ее территориальном, так и в духовном измерении.

В произведениях Бунина воссоздается ностальгический образ сакральной Руси. Для писателя православие представляет собой неотъемлемую часть русской культурной традиции, воплощенной в древних храмах, монастырских стенах, церковных обрядах, иконописных ликах и колокольных звонах. Эти образы навсегда отпечатываются в человеческой душе, независимо от места пребывания. Вместе со своими персонажами писатель мысленно возвращается к этому миру как утраченному идеалу, а сама родина предстает в его творчестве как погибшая святыня, по которой он совершает проникновенный поминальный плач.

Иванников исследует кризис религиозного сознания сначала в годы революционного крушения России, а затем и реалиях эмигрантского быта, где вера перестает быть опорой, сохраняя лишь отсвет прежней духовной полноты. Его проза фиксирует тот момент, когда церковные обряды теряют сакральное содержание, становятся формальными, а священные символы превращаются в товар. И все же Россия в его изображении не перестает существовать – она продолжает жить в мельчайших деталях быта: именно в этих крупицах повседневности сохраняется глубинная связь с родиной, делаая память последним прибежищем национального самосознания.

Мать Мария (Е.Ю. Кузьмина-Караваева) предлагает принципиально иной путь – воплощение христианских идеалов в деятельном служении. В отличие от Бунина, поэтизирующего ушедшую Русь, и Иванникова, показавшего трагедию современности, она воспринимает православие как действенную силу, способную помочь страждущим и противостоять злу. Ее миссия проявляется в органичном единстве слова и дела: через литературное творчество, осмысляющее пути духовного возрождения, и практическое служение – создание организации «Православное дело», ставшей ярким примером воплощения христианской любви в изгнании. Таким образом, и в слове, и в деяниях мать Мария стремилась возродить духовные основы в новых исторических условиях.

Подводя итоги, следует отметить существенные различия в подходах Бунина, Иванникова и Кузьминой-Караваевой к осмыслению православной традиции, что несколько не умаляет значимости каждого из авторов в истории русской литературы. Их объединяет глубокое взаимодействие категорий веры, памяти и изгнания, создающее уникальный целостный образ «России вне России» – духовного пространства, сохраняемого вопреки историческим катастрофам.

1. Адамович Г.В. *«Последние новости». 1934–1935.* СПб., 2015.

2. Адамович Г.В. *Собрание сочинений. Литературные заметки. Кн. 1 («Последние новости» 1928–1931).* СПб., 2002.

3. Бунин И.А. *Собрание сочинений: в 9 т. М., 1966. Т. 7.*

4. Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 гг. М., 1998.
5. Бунин И.А., Бунина В.Н. Устами Буниных. Дневники: в 2 т. М. 2005. Т.2.
6. Вайль П., Генис А. Русская кухня в изгнании. М., 1995.
7. И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II. М., 2010.
8. Иванников М.Д. Правила игры: Собрание сочинений. СПб., 2012.
9. Крошкина Л.В. «Старое» и «новое» в христианской культуре XX в.: «Православное дело» матери Марии (Скобцовой) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 7. С. 36–47.
10. Захарова В.Т., Некляева Е.В. Мотив пути в лирике Е.Ю. Скобцовой (матери Марии) в эмиграции (принципы изучения) // Интеграционные технологии в преподавании филологических дисциплин: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2023. С. 55–60.
11. Мать Мария (Скобцова; Кузьмина-Караваева Е.Ю.) Россия и эмиграция: Жития святых; Религиозно-философские очерки; Ранняя публицистика; Письма и записные книжки. М., Париж, 2019.
12. Праццерук Н.В. Обретение родины в изоляции от нее (на материале судьбы и творчества И.А. Бунина) // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2024. Т. 12. № 1 (23). С. 75–92.
13. Сергеева Е.В. Художественный концепт «прошедшее» в зарубежной прозе И.А. Бунина // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 3. С. 72–78.
14. Терапиано Ю.К. Встречи. Нью-Йорк, 1953.